

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР
ПО НАУКЕ И ТЕХНИКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ВЫПУСК 21

Издается с 1971 г.

МОСКВА 1983

1-4094

Е. В. Падучева

ВОЗВРАТНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ С КОСВЕННЫМ АНТЕЦЕДЕНТОМ И СЕМАНТИКА РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Наряду с принятым в трансформационной грамматике порождающим подходом к описанию возвратных местоимений (ВМ), представляет интерес чисто дескриптивный подход, при котором цель анализа — перечислить все конструкции, в составе которых допустимо употребление возвратных местоимений. В данной работе принимается именно дескриптивный подход. Описание ориентировано на поверхностную синтаксическую структуру предложения, в которой, однако, сохранен доступ к некоторым «глубинным» свойствам предложения, а именно: к сведениям о субъекте (или, для пассивов, — о грамматическом субъекте) предикатных слов, не имеющих подлежащего, т. е. у таких словоформ, как инфинитивы, деепричастия, причастия, императивы, отпредикатные имена и пр. Для русского языка рефлексивными конструкциями, т. е. конструкциями, допускающими употребление ВМ, являются*: сопредикатность с подлежащим (*Ты_i можешь рассчитывать только на себя_i*); сопредикатность с подразумеваемым субъектом (*Она велела Ивану_i явиться к ней, Ø_i — имея при себе паспорт*); сопредикатность с субъектом — агентивным или генитивным дополнением (*Это явилось бы отрицанием ею_i самой себя_i*); субстантивно-адъективная цепочка (*Он_i уже не рассчитывает на благоприятный для себя_i исход*); дальняя сопредикатность (*Она_i позволяла ему себя_i обманывать*); именная цепочка (*Потеряна собака_i с*

*В примерах ниже буквенными индексами выражается кореферентность ВМ с антецедентом или, в случае антецедента — нулевого знака (Ø) — также и с контроллером антецедента.

инициалами своего; хозяина на ошейнике); косвенный антецедент (*Ивану_i было стыдно самого себя_i*).

Данная работа посвящена в первую очередь рефлексивной конструкции с косвенным антецедентом, т. е. такой, когда антецедентом ВМ служит дополнение или обстоятельство (см. об этой конструкции [1]).

В составе конструкции с косвенным антецедентом субстантивное и притяжательное ВМ (*себя* и *свой*) перестают употребляться параллельно, т. е. на началах синтаксического распределения, как это имеет место в других рефлексивных конструкциях. Для объяснения этого явления необходим семантический экскурс.

§ 1. НЕСОБСТВЕННО ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА *СВОЙ*

Слово *свой* может иметь ощутимо различные значения, обычно основательно «вмонтированные» в контекст. *Свой* в своем основном значении, *свой₁*, — это притяжательная форма от субстантивного ВМ *себя*. Это значение четко делится на синтаксическое значение притяжательности в широком смысле слова и обозначение объекта: *свой* = 'себя' + 'притяжательность', как, скажем, *мой* = 'я' + 'притяжательность', ср. *Он любит свою собаку*; *Он отвечает за свое поведение*. Однако имеется ряд употреблений, при которых к этим двум основным компонентам значения *свой* прибавляется тот или иной дополнительный, накладывающийся на основные, а иногда и вытесняющий их. Перечислим эти несобственно притяжательные значения *свой*:

Свой₂ = 'свой₁' + противопоставление 'свой—чужой'; т. е. *свой₂* подчеркивает принадлежность предмета данному лицу, а не другим лицам, как в примере (1), или выражает противопоставление постоянной принадлежности — временной, как в (2). Иначе говоря, *свой₂* ≈ 'собственный':

- (1) *Он не имел во всю жизнь ни одной своей мысли; Мне только свои пироги нравятся; Несмотря на то, что у ней было много своего горя и забот, она заехала узнать об участии Кити; Эти люди совершают бесчестные поступки, но свой домашний очаг и жена — это для них святыня.*

- (2) *У меня не было своих учебников; В редакции мало своих (= 'постоянных') работников.*

Возможность двоякого понимания *свой* — как *свой₁* и как *свой₂* — демонстрирует пример (3) — если *свой* = *свой₂*, то (3) $\approx$ 'у него не оригинальные мысли', а если *свой* = *свой₁*, то (3) $\approx$ 'Он не высказывает своих мыслей, держа их при себе':

- (3) *Он не высказал во всю жизнь ни одной своей мысли.*

Свой₂ допускает предикативное употребление (антецедент — подразумеваемый):

- (4) *Угощение все было свое, некупленное; А грудь своя: гроша ему не стоит.*

То же значение *свой₂* выступает в поговорках (антецедент — подразумеваемый: 'для всякого человека' или 'у тебя'):

- (5) *Своя ноша не тянет; Своя рубашка ближе к телу; Свой сухарь лучше чужих пирогов; Свой труд дороже чужого; Не радуйся чужой беде, своя на гряде.*

Свой₃ — 'свой₁' + дистрибутивность (распределенность), т. е. *свой₃* $\approx$ 'у каждого свой':

- (6) *У промышленности — свой план, у торговли — свой; За каждым названием — свое воспоминание.*

Дистрибутивность может иметь акцент либо на различии объектов, как в (6), либо на соответствии данного объекта некоторому объекту из распределяющего множества, как в (7):

- (7) *Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг.*

Поэтому в том случае, когда распределяющее множество удаляется из поля зрения и из него остается только один элемент, на месте дистрибутивности возникает два различных значения — *свой₄* = 'свой₁' + 'особый' (*особый x* — это *x*, обладающий свойствами, отличными от свойства других объектов класса '*x*'), см. (8), и *свой₅* = 'свой₁' + 'соответствующий, надлежащий', см. (9).

- (8) *В таких делах нужны свои методы; Между ними установились свои отношения; У лошади на войне тоже есть своя обязанность; Но и здесь кипят свои страсти; Имеет сельская свобода свои счастливые права, как и надменная Москва; Бреду своим путем; У него был для этого свой метод; Здесь есть своя логика.*

- (9) *Задаток будет в свое время; Дело идет своим порядком; Все идет своим чередом; Он поставил все на свое место; называть вещи своими именами.*

Как *свой*₄ связано со *свой*₃, видно из (10):

- (10) а. *У всякой пташки свои замашки (свой*₃*);*
б. *У лентяя Федорки свои отговорки (свой*₄*).*

Во всех примерах из (8) *свой*₄ соотносится с какими-то словами в предложении, хотя не всегда это слово или группу можно назвать антецедентом, ср. *в таких делах, между ними, здесь.*

*Свой*₆ — это значение, близкое к фразеологически связанному, поскольку оно возможно только в контексте слова *человек* и близких к нему *народ, брат*: *свой*₆ ≈ 'находящийся в родственных, дружественных или еще каких-то близких и постоянных отношениях', например:

- (11) *Я надеюсь, что здесь собрался все свой народ, и никто не вынесет сору из избы; Жена свой брат (Пушкин); Да кто ж меня узнает?... свой же брат нахальный кавалер; Евгений Васильевич, в качестве своего человека, входил без доклада; В семье его Савельич был свой человек; — Кто там ? — Свои.*

Группа, включающая *свой*₆, тяготеет, как все слова с оценочными и переносными значениями [2], к нереферентному употреблению — предикатному или квантифицированному. Так, *свой человек* невозможно в позиции подлежащего — темы (вне контраста): **Свои люди собрались в гостиной*. Действительно, *Здесь собрались свои люди* = 'Люди, которые здесь собрались, свои'. Отсюда тот факт, что фраза *Свой брат стоял на крыльце* (пример, который приводится в [3] как типичная ошибка венгров) недопустима в том числе и в значении *свой*₆.

Показательно, что *свой*₆ способно иметь своего рода взаимную диатезу: *Свои люди — сочтемся, Свой своему поневоле брат, Свой своего издалека видит, Свои собаки дерутся — чужая не приставай* (последняя фраза, где *свои* не люди, а собаки, впрочем, сомнительна).

В употреблении *свой*₆ вообще нет компонента *свой*₁, поскольку *свой*₆ не имеет антецедента; тем самым здесь *свой*₆ — не местоимение, и в дальнейшем это употребление не принимается во внимание.

Есть и другие несобственно притяжательные употребления *свой* — в частности, такие, в которых *свой* приближается по значе-

нию к простому артиклю — неопределенному (*Его тесть сыграл свою роль в этом деле*) или определенному (*Он прошел по комнате своим твердым шагом*). Ср. интонационные различия в двух фразах примера (12), вызванные тем, что *горем* — неопределенная именная группа, а *своим горем* — определенная:

- (12) *Долли была убита горем\; Долли была убита \ своим горем.*

§ 2. КОСВЕННЫЙ АНТЕЦЕДЕНТ ВОЗВРАТНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ОСНОВНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ

Обратимся теперь к употреблению ВМ с косвенным антецедентом. Везде, где употребляются *себя* и *свой*₁, допустимо и не-собственно притяжательное (окрашенное) *свой* (т. е. *свой*₂ — *свой*₅). Но кроме того, имеются контексты, где *свой* в окрашенных значениях допустимо, а *свой* в основном значении и *себя* — нет. Естественно рассматривать эти контексты употребления ВМ по отдельности.

Имеется две рефлексивных конструкции с косвенным антецедентом, где допустимо *себя*, а также все значения *свой*.

1. Пусть *P* — сказуемое, выражающее пассивное состояние; и пусть *x* — косвенное дополнение при *P* со значением эксперимента этого состояния; тогда *у* может быть возвратным местоимением с антецедентом *x*, если *у* подчинено или почти непосредственно подчинено *P*.

Примеры ВМ, соответствующих данной рефлексивной конструкции:

- (1) *Для себя ей ничего не нужно; До слез жалко мне стало и себя и Филимона; Неловко (больно, неудобно, грустно) ей было за себя и за свою слабость; Ивану стыдно было самого себя; Ему стало страшно своей ответственности; Ему тошно за свой поступок; Скучно ему без своей кошки; Для него все окончательно стало ясно в себе самом; Ему было не до себя: Мне не видно себя; Мне не слышно своего голоса; Мне смешно на саму себя; Ему тоскливо от самого себя; Теперь ему известно о себе все; Ему тошно (больно, грустно, неудобно, жутко, тяжело) от своей беспомощности.*

Ср. еще некоторые примеры с глагольным сказуемым: *Мне не хватает времени для себя; В ней ничего не осталось от самой себя* [1].

В основном антецедентом служит дативное, бенефактивное и локативное дополнение. Употребление ВМ с другими формальными типами косвенных антецедентов носит эпизодический характер, ср. *Его тянуло к себе домой (в свой дом)*.

Предикаты, допускающие употребление *себя* и *свой₁* с косвенным антецедентом, ограничены узким списком слов (почти все они использованы в примерах выше). Не признаются имеющими косвенный антецедент ВМ в предложениях с предикативным инфинитивом, см. примеры (2) — (4). Здесь контроллером ВМ служит подразумеваемый субъект инфинитива, кореферентный дативному дополнению, и эта конструкция имеет лексически не ограниченную продуктивность:

- (2) *Ему бы вернуться к себе домой; Ему бы заглянуть в свою записную книжку.*
- (3) *Не Ивану учить своего сына скромности; Своими силами малому городу не подняться на технически современные «ноги».*
- (4) *Ему не с кем обсудить свои дела.*

Имеется следующее условие, ограничивающее набор синтаксических позиций, допустимых для *свой₁* : *свой₁*, даже при косвенном антецеденте, не может стоять в им. падеже (а также в род. падеже в группе с партитивным значением). Поэтому, например, недопустимо ВМ при следующих предикатах с дательным падежом экспериента, близких по значению к приведенным в (1):

- (5) *Ему неприятна его (*своя) роль в этом деле; Мне не нравится моя (*своя) работа; Ему не удалось его (*свое) предприятие; Рюмину опротивела его (*своя) собственная квартира.*

В рассказе А. Аверченко «Камень на шее», из которого взята последняя фраза, употреблено *своя*, но явно со специальным стилистическим намерением.

По отношению к субстантивному ВМ это ограничение естественно вытекает из отсутствия у него формы им. падежа. Оказывается, однако, что притяжательное местоимение *свой* в собственно

притяжательном значении *свой*₁, при отсутствии на то морфологических оснований, повторяет в своем синтаксическом поведении субстантивное *себя*.

Другие примеры дативных экспериентов, которые не могут служить antecedентами ВМ: *Ему остаются его книги; Мне снилась моя бабушка; Мне помнится моя деревня*.

*Свой*₁ может входить в состав группы в им. падеже, если оно подчинено не вершине группы, а какому-то нижестоящему слову:

- (6) а. **Ему дорога своя сестра*;
б. *Ему дорога честь своей сестры*.

Еще пример: *Для настоящего русского Европа и удел всего арийского племени так же дороги, ... как и удел своей родной земли* (Достоевский).

В работе [11 ставится вопрос о том, какое свойство одного из косвенных дополнений в (1) позволяет ему быть antecedентом ВМ, являющегося другим косвенным дополнением. Бесспорно, что из нескольких косвенных дополнений, допустимых при предикатах из (1), способно быть antecedентом ВМ только одно. Ср. пример из [1], когда дополнение в дативе может быть antecedентом ВМ, а не бенефактивное — нет:

- (7) а. *Для себя ей ничего не нужно*;
б. **Для нее себе ничего не нужно*.

Antecedентом ВМ может быть только то дополнение, которое выражает экспериент состояния.

2. Вторая рефлексивная конструкция с косвенным antecedентом: в ней antecedентом ВМ служит прямое дополнение глагола — обычно с каузативным значением. Эта конструкция тоже ограничена замкнутым списком слов:

- (8) *Умножаем число X на само себя; Функция f переводит множество M в само себя; Общество защищает человека от самого себя; Они занимались делами, а ребенка предоставили самому себе*.

Интересно, что здесь допустимо *себя*, но не *свой*₁:

- (9) *Функция f переводит множество в его (*свое) подмножество*

Если в этом контексте употребляется *свой*, оно имеет несобственно притяжательное значение; так, в (10) *свой* = *свой*₂, т. е. 'собственный', а в (11) *свой* = *свой*₅, т. е. 'надлежащий':

- (10) *Пушкина сослали в свое имение; Эта мысль поднимала его в своих глазах; Это унижает человека в своих глазах; Похлопочите, чтоб меня отправили в свою часть; Было принято решение после выписки из госпиталей по мере возможности посылать людей в свои части.*
- (11) *Будем называть вещи своими именами; Поставь машину на свое место.*

Можно предположить, что употребления типа (8) объясняются смешением возвратного местоимения и эмфатического *сам*. Ср. два значения англ. *John told Bill about himself*—1) 'Джон рассказывал Биллу о себе'; 2) 'о нем самом' (пример из [4]); во втором значении *himself* в точности соответствует ВМ в примерах из (8).

§3. КОСВЕННЫЙ АНТЕЦЕДЕНТ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В НЕСОБСТВЕННО ПРИТЯЖАТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ

Что касается значений *свой₂*—*свой₅*, то для них косвенный антецедент — более обычное явление. *Свой₂*— *свой₅* могут употребляться с антецедентом — дативным, локативным, бенефактивным дополнением, а также с детерминантом (в смысле [5, с. 235]). При этом нарушается даже запрет на употребление *свой* в им. падеже и в род. падеже партитива. Ср. *свой₂* в (1), *свой₃* в (2), *свой₄* в (3):

- (1) *Мне свои дети надоели; Всякой матери свое дитя мило; У него в Перелыгине была своя дача; Нет ему уважения в своем доме; Не сидится ему на своем месте; Мне своих дел хватает.*
- (2) *Обычно каждому участнику языковой ситуации соответствует свой референт (Холодович); Всякому овощу свое время; В каждом месте значительного скопления рабочих должна быть своя собственная рабочая газета; У него для каждого человека есть своя особая песня.*
- (3) *Инфинитиву свойственны свои, отличные от спрягаемых форм, синтаксические функции; А ведь у девочки сейчас формируется свой характер* (некоторые примеры взяты из [1, 6]).

Антецедентом для *свой* в им. падеже, даже несобственно притяжательного, не может быть, однако, прямое дополнение. Фраза *Его <льва> своя кичливость съела* (Крылов, «Лев и Мышь») — архаизм. В русском языке более ранних периодов ограничение на употребление *свой* в им. падеже отсутствует, см. примеры из словаря [7].

- (4) *Не мужъ в мужѣхъ кѣмъ своя жена владѣтъ* (Сл. Дан. Зат.); *и убиша князя велика Миндовга свои родичи* (Новг. 1 л.).

То, что *свой* в им. падеже не равно по значению *свой₁*, доказываемся возможностью прямых смысловых противопоставлений, ср. минимальные пары *свой* — нуль в примерах (5), (6) и *свой* — личное местоимение в примерах (7) — (9):

- (5) а. *У него была своя дочь*; б. *У него была дочь*.
(6) а. *В редакции мало своих работников*; б. *В редакции мало работников*.
(7) а. *У меня есть своя работа*; б. *У меня есть моя работа*.
(8) а. *Ему хватит своих запасов*; б. *Ему хватит его запасов*.
(9) а. *Мне свои дети надоели*; б. *Мне надоели мои дети*.

В примере (10) предложение (а) выражает, по сравнению с (б), дополнительно идею о том, что воспоминания у всех разные (дистрибутивность):

- (10) а. *Каждому дороги его воспоминания*;
б. *Каждому дороги свои воспоминания*.

В примере (11) в первой фразе имеется значение дистрибутивности, и потому *свой* в им. падеже стилистически нейтрально. А во второй фразе, где дистрибутивности нет, употребление *свой* — это особый прием:

- (11) *Каждому автору свой подход кажется более естественным. В частности, и рецензенту больше нравился свой*.

Если в одном предложении скапливаются два дополнительных значения, например, 'собственный' и дистрибутивность, то они обычно плохо уживаются друг с другом. Так, в (12) побеждает значение 'собственный' в противоположность 'чужой':

- (12) *Всякому свой труд дорог*.

Противопоставление возвратного местоимения личному может сопровождаться противопоставлением по референтным свойствам именных групп; так, в (13) группа *его учебники* имеет референтное употребление, а *свои учебники* — нет:

(13) а. *Ему нужны его учебники*; б. *Ему нужны свои учебники*.

ИГ *их домашний очаг* в (14) а имеет референтное употребление, а ИГ *свой домашний очаг* в (14)б — атрибутивное (в смысле Доннеллана [8]):

(14) а. *Для этих людей их домашний очаг — святыня*;

б. *Для этих людей свой домашний очаг — святыня*.

Есть и для *свой₁* контексты, где оно входит в непосредственные смысловые противопоставления с личным местоимением, но те противопоставления совершенно иного рода, см. об этом в § 5.

Можно указать контекст, в котором *свой* с обязательностью будет иметь несобственно притяжательное значение — это контекст, где подчиняющее существительное находится в редуцированной диатезе (в смысле [91]), так что обладатель или актант однозначно предсказывается контекстом. В этом случае *свой₁* как нейтральное обозначение обладателя или актанта просто исключено. Поэтому если *свой* здесь вообще возможно, то только в несобственно притяжательном значении, например:

(15) *У колхозников на своих участках чудеса агротехники*.

В контексте детерминанта *у колхозников* обстоятельство *на участках* уже понимается как 'на участках этих колхозников'. Тем самым, *свой* здесь может выражать не основное значение — указание на обладателя, а только какое-то дополнительное, в данном случае — значение 'собственный'.

Редуцированная диатеза подчиняющего слова и несобственно притяжательное значение *свой* возможны не только при косвенном antecedente; ср. фразу (16), где *свой* имеет antecedентом подлежащее и в то же время отчетливое значение *свой₅*:

(16) *Эта возможность есть в языках без грамматики; но они обладают своими \ недостатками*.

В примере (17) слово *столкновение* имеет обычную, не редуцированную диатезу: в принципе, оно может иметь актант и не кореферентный с подлежащим. Поэтому здесь *свой* = *свой₁*.

- (17) *При первом столкновении своем с этой дикой природой он не выдерживает.*

§ 4. ФАКТОР ОДУШЕВЛЕННОСТИ АНТЕЦЕДЕНТА

В грамматических описаниях иногда встречается упоминание о том, что употребление ВМ ограничено одушевленными субъектами, см., например, [10, с. 193]. А. М. Пешковский тоже, по-видимому, считает само собой разумеющимся, что ВМ имеет одушевленный субъект: «Возвратное местоимение может относиться только к тому лицу, которое...» [11, с. 168]). В работе [12] приводятся три примера неодушевленности *себя* (*содержать в себе, заключать в себе, представлять собой*), а про *свой* говорится, что оно употребляется с неодушевленным антецедентом достаточно широко.

Употребление ВМ с неодушевленным антецедентом, действительно, ограничено, хотя природа этих ограничений не вполне ясна.

Субстантивное ВМ *себя* употребляется с неодушевленным антецедентом чаще всего тогда, когда оно фактически избыточно:

- (1) *Поэтическое произведение содержит в себе свои варианты; Работа несомненно привлечет к себе внимание специалистов; Слово X подчиняет себе слово Y; Грустное выражение ее глаз... притягивало к себе Кити.*

Во всех рефлексивных конструкциях, где рефлексивизация не обязательна, употребление *себя* с неодушевленным антецедентом либо невозможно, ср. (2), либо находится на грани правильности, ср. пример (3) со страдательным причастием и (4) с именной цепочкой:

- (2) *Памятник Пушкина со мной под ним был моим первым наглядным уроком иерархии* (Цветаева).
(3) *Значение этого имени расшатано небрежным с собой обращением говорящих и пишущих.*
(4) *Это слово в наиболее естественном для себя употреблении обозначает объект; Во всех допустимых для себя значениях эта группа неререферентна.*

Ср. следующие показательные примеры зависимости рефлексивизации от одушевленности:

- (5) а. *Эти деньги заслуживают более серьезного к ним отношения;*
б. *Он заслуживает более серьезного к себе отношения.*
- (6) а. *Дом с клумбой справа от него;*
б. *Секретарша с телефоном справа от себя.*

Во многих рефлексивных конструкциях *себя* с неодушевленным antecedентом исключено просто в силу семантических ограничений на субъект, предъявляемых предикатом: таковы субстантивно-адъективная цепочка, дальняя сопредикатность и, в большинстве случаев, конструкция с косвенным antecedентом.

Употребление *свой* дает более пеструю картину. Для *свой* существенно, употребляется ли оно в собственно притяжательном значении (т. е. подчинено предметному слову) или же заполняет актантную валентность подчиняющего отпредикатного имени.

А. В актантной позиции личное местоимение и *свой* при неодушевленном antecedенте обычно взаимозаменяемы:

- (7) *Это правило в его (своем) нынешнем виде применимо только в простом предложении; Слово «также» в его (своем) основном употреблении безударно; Это определение в его (своем) непосредственном виде не рассчитано на такой контекст; Цепочка bow в каждом из ее (своих) звучаний имеет несколько значений; Местоимения из-за их (своей) отвлеченности всюду являются нарушителями порядка.*

В примерах (8), (9) личное местоимение больше соответствовало бы современному нейтральному стандарту:

- (8) *Ты видел этот новый дом; В своем величье молодой имеющий с дворцами сходство?* (Мартынов).
- (9) *Но в то время, как он сам себе выражал это решение, с другой стороны души всплывал ее образ со всею своей женственной красотой* (Толстой).

В (10) личное местоимение предпочтительно потому, что *свой* выражало бы дополнительное значение определенного артикля:

- (10) *Пастернаковский перевод «Фауста» с его особым ощущением темных закоулков средневекового немецкого мышления; В повседневной жизни память с ее капризами*

служит нам трудолюбивым, но изменчивым посредником.

Свой с неодушевленным антецедентом не употребляется в функции 2-го актанта (объекта) отпредикатного имени, см. (11), — при том, что при одушевленном антецеденте *свой* в этой функции допустимо, ср. (12а) и (12б):

- (11) *Законы расширяются от их (*своего) нарушения; Этот метод усовершенствовался по мере его (*своего) практического применения; Пьеса только выиграла от многократного ее (*своего) исполнения; Правило неприменимо к результату его (*своего) применения; Морфологические явления объединяются общностью их (*своего) выражения.*
- (12) а. *Для многих наш крестьянин по освобождении своем явился странным недоумением (Достоевский) ;*
б. *Киев после его (*своего) освобождения был грудой развалин.*

Между тем в контексте редуцированной диатезы подчиняющего имени качества употребляется только *свой*, безотносительно к одушевленности:

- (13) *Вывод Лакова поражает своей уклончивостью; Этот лозунг своим цинизмом вызвал лишь отвращение к такого рода дипломатии; Возвратное местоимение опирается в своем значении на личные; ... движением, паразитирующим Вронского своею решительностью; Прелестно это красивое лицо в своем оживлении.*

При незначительном изменении конструкции личное местоимение становится возможным в качестве одного из вариантов: *Это представление, при всей своей (его) уродливости, возникло не на пустом месте.*

В примере (14) употребляется *свой*, как если бы неодушевленность антецедента вообще не имела значения:

- (14) *и рядом с ним<листочком>качается другой, напоминая своим движением игру рыбьего плеса (Тургенев).*

Там, где *свой* является результатом не рефлексивизации, а той или иной разновидности трансформации расщепления, оно также употребляется безотносительно к одушевленности антецедента:

- (15) *Тот сволочной дух, который живет в мелком... русском интеллигенте, потерял в нем <Салтыкове> своего самого упрямого и назойливого врага.*

В. В собственно притяжательной функции (т. е. при подчиняющем предметном имени) связь рефлексивизации с одушевленностью более прямая: во многих контекстах, где при одушевленном антецеденте рефлексивизация обязательна, при неодушевленном она факультативна; примеры:

- (16) а. *Отрезок меньше всякой его (своей) части;*
б. *Родители обычно разумнее своего ребенка.*
- (17) а. *Машина превзошла ожидания ее (своих) изобретателей;*
б. *Мальчик превзошел ожидания своих родителей.*
- (18) а. *Предложение превращается в определение к одному из его (своих) членов;*
б. *Она стала женой одного из своих кузенов.*
- (19) а. *Кванторы отличаются от связок способом заполнения их (своих) валентностей;*
б. *Он отличается от Джона способом ведения своих дел.*
- (20) а. *Книга с фамилией ее (своего) автора на обложке;*
б. *Мужчина с хризантемой в петлице своего бархатного пиджака.*
- (21) а. *Эта лексема имеет, согласно некоторой ее (своей) модели управления, подчиненный аккузатив;*
б. *Иван, согласно своему плану, остается в Крыму.*
- (22) а. *Обстоятельство, вместе с его (своими) адъюнктами, выделяется запятыми;*
б. *Профессор Аахен, вместе со своими учениками, отправился в Баден.*

Однако употребление ВМ в собственно притяжательной функции с неодушевленным антецедентом не исключено. Иногда, правда, такое употребление вызывает ощущение одушевления антецедента:

- (23) *Канал снабжает своей водой хлопководческие совхозы; Днепр ... катит... вольные воды свои; Стройный клен красиво раскинул свои легкие ветви; Нью-Йорк не переносит существования на своей территории старых*

строений; Консервированные овощи и фрукты способны обеспечить питательность не хуже своих, переработанных «собратьев»; Небольшие березовые рощи своими округленно зубчатыми верхушками одни нарушали почти прямую черту небосклона (Тургенев).

§ 5. СЕМАНТИКА РЕФЛЕКСИВНОСТИ

Отдельная проблема состоит в том, имеют ли возвратные местоимения свою семантику, отличающую их от невозвратных (соответствующего лица) и несводимую к правилам их синтаксического употребления. Естественно, этот вопрос возникает лишь постольку, поскольку существуют контексты, в которых употребление . возвратного местоимения возможно, но не обязательно— т. е. контексты, допускающие противопоставление возвратных местоимений невозвратным.

Наибольшее количество исключений из правила об обязательности употребления ВМ в контексте рефлексивности [5, с. 261] засвидетельствовано для предложений с субъектом в 1-м и 2-м лице. Как пишет А. В. Исаченко [13, с. 436], «в русском языке, как и в некоторых других, сфера употребления возвратных местоимений имеет тенденцию ограничиваться 3-м лицом». В действительности это верно не для всех ВМ, а только для притяжательного *свой* [12]: субстантивные ВМ употребляются с antecedентами 1-го и 2-го лица также, как и с прочими.

Ограничение на употребление ВМ с antecedентами 1-го и 2-го лица, весьма сильное в литературе первой половины XIX века, в современном языке изживает себя (хотя, возможно, сохраняется в стихотворной традиции, ср. *И я, как весну человечества, ... Пою мое отечество, республику мою*). Во всяком случае, все употребления в (1) не соответствуют современной норме:

- (1) *Довольно!... с вами я горжусь моим разрывом;
Я сватаньем моим не угрожаю вам (Грибоедов);
Растались мы; но твой портрет Я на груди моей храню
(Лермонтов).*

Тем не менее, то, что рефлексивизация может не применяться в контексте 1-го и 2-го лица в тех случаях, когда в 3-м лице она обязательна, — бесспорный факт и для современного языка:

- (2) а. Я не поэтизирую моей (своей) жизни;
б. Он не поэтизирует своей (*его) жизни.
- (3) а. Я сделал все, чтобы избавить тебя от моего (своего) общества;
б. Они сделали все, чтобы избавить тебя от своего (*их) общества.
- (4) а. Я был тогда вдали от моих (своих) друзей;
б. Он был тогда вдали от своих (?его) друзей.
- (5) а. Я расскажу вам о моих (своих) трудностях;
б. Он расскажет вам о своих (?его) трудностях.

При антецеденте в 1-м лице личное местоимение может оказаться предпочтительным для достижения однозначности, см. (6), хотя в 3-м лице рефлексивизация обязательна, несмотря на неоднозначность, см. (7):

- (6) Она попросила меня_i прочесть мои_i (?свои_i) стихи; Она заставила меня_i отредактировать мою_i (?свою) статью.
- (7) Она попросила его_i прочесть свои_i (*его_i) стихи; Она заставила его_i отредактировать свою_i (*его_i) статью.

Нечеткость различий в употреблении ВМ с антецедентами 3-го и не 3-го, лица, скорее всего, означает, что они имеют семантическую природу. А в таком случае можно полагать, что эти различия — следствие семантических закономерностей, которые действуют, вообще говоря, для всех трех лиц.

В работе [14] была высказана идея о том, что употребление ВМ есть проявление приоритета субъекта на название некоторых других объектов, упоминаемых в предложении, со своей точки зрения. В работе [15] для описания семантических противопоставлений, связанных, с учетом точки зрения, был введен термин эмпатия: носитель точки зрения — это фокус эмпатии говорящего, т. е. тот исходный пункт, в который помещает себя говорящий и на базе которого он строит имена для других объектов.

В работе [16] была сделана попытка применить понятие эмпатии для описания семантики ВМ в русском языке — в частности, для объяснения фактов отсутствия ВМ, ожидаемых в контексте рефлексивной конструкции. Авторы утверждают, что отсутствие ожидаемого ВМ в случае 3-го и не 3-го лица имеет разные источники: при антецеденте в 1-м лице «рефлексивизация не имеет мес-

та, если говорящий полностью идентифицирует себя с антецедентом. Если же говорящий в том или ином смысле психологически отдален от того своего аспекта, который проявляется в высказывании, тогда употребляется ВМ». Т. е. рефлексивизация мотивируется «психологической расщепленностью» говорящего, его отделенностью от субъекта во времени и пр. (то его Я, которое фигурирует в предложении, не идентично ему самому). А в 3-м лице, наоборот, отсутствие рефлексивизации объясняется неполной эмпатией говорящего с субъектом, т. е. социальной, психологической, оценочной или еще какой-то отчужденностью от субъекта.

Однако примеры, на которых демонстрируется действие этих правил, во многих случаях не соответствуют нормам русского языка; ср.:

- (8) а. * *Ну и что, что он заметил, как какая-то баба уронила ее (=свой) кошелек;*
- б. * *Она создавала прочное ее (=свое) положение в колхозе;*
- в. * *Я дала вам мою (=свою) кофточку.*

Отрицательное отношение говорящего к субъекту заведомо не влияет на употребление ВМ, а значит и на возможность эмпатии говорящего с субъектом. Так, *Этот растяпа потерял его кошелек* (пример взят из [16]) абсолютно недопустимо.

Вообще, неясно, почему отстраненность говорящего от субъекта проявляет себя прямо противоположным образом при субъекте в 3-м и не в 3-м лице, т. е. почему в 3-м лице отстраненность препятствует рефлексивизации, а в 1-м и 2-м — способствует ей. Если это и верно, то требует объяснения.

Не претендуя на полное описание семантики рефлексивности, укажем некоторые факты.

1) Содержание противопоставления личного местоимения и ВМ в разных контекстах (допускающих оба местоимения) разное. Например, есть контексты, где главное смысловое противопоставление, выражаемое заменой ВМ на личное местоимение, — это противопоставление 'дистрибутивность' — 'объединенность'. Ср. личное местоимение со значением объединенности в (9) и ВМ со значением дистрибутивности в (10) (примеры взяты из [16]):

- (9) *А мы сильно зябли в нашем общежитии; Мы вернемся с тобой в наш город.*

- (10) *Однако к утру мы зябли под своими одеялами; Но при всех случаях мы занимали свои дежурные места: она на койке..., я на стуле.*

2) Наименования объектов различаются по степени их денотативной зависимости [17] от контекста: имя собственное — наименование, обладающее меньшей степенью денотативной зависимости, чем наименование с участием релятивного имени. Однако наименование, где релятивное имя имеет аргументом имя или личное местоимение, — это, так сказать, первая степень денотативной зависимости — зависимость от денотата этого имени или личного местоимения; а наименование, где релятивное имя имеет аргументом ВМ, — это вторая степень зависимости, поскольку здесь, кроме зависимости от денотата местоимения, возникает еще зависимость от субъекта предложения.

3) Различие стимулов к употреблению ВМ с антецедентами 3-го и не 3-го лица, действительно, имеется, и его можно вывести из естественного постулата референции, состоящего в том, что говорящий (когда речь идет о чисто референциальной его потребности) выбирает кратчайший семантический путь для номинации объекта. В самом деле, обозначение объекта через его отношение к самому говорящему — это уже максимально короткий семантический путь к номинации объекта; поэтому когда субъект предложения — говорящий, то эмпатия к субъекту, т. е. употребление ВМ, не вызывается референциальной необходимостью. Между тем, когда речь идет об объектах, денотативно зависимых от 3-го лица, то эмпатия к этому лицу, т. е. употребление ВМ, существенно сокращает говорящему «семантическое расстояние» до нужного объекта.

Денотативная зависимость ВМ от субъекта объясняет связь употребления ВМ с актуальным членением (коммуникативной структурой) предложения, а именно; если местоименная группа является в высказывании темой, данным, то обязательность ВМ очень часто снимается. Действительно, если сам субъект, от которого денотативно зависит ВМ, еще не актуализовался в общем поле зрения говорящих, то эмпатия к этому лицу не может способствовать сокращению семантического расстояния от говорящего до объекта: (11) *В его доме он \ хозяин, но Он хозяин в своем (*его) доме.*

- (12) *Его идею ему нужно теперь экспериментально обосновать, но Ему нужно теперь экспериментально обосновать \ свою (*его) идею.*

Особенно ясное различие в биноминативном предложении [18]:

- (13) а. *Он сам причина крушения своих планов;*
б. *Причина крушения его планов — он сам.*
(14) а. *Дефо сам был издателем своих романов;*
б. *Издателем романов Дефо был он сам.*

5) Некоторые частицы, присоединяемые к антецеденту, сообщают противопоставлению возвратных и личных местоимений совершенно особый смысл. Так, предложение (15) имеет два смысла, и в зависимости от того, какой из них имеется в виду, изменение коммуникативной структуры даст из (15) либо (16а), либо (16б); аналогично для (17):

- (15) *Только Джон может перехитрить свою жену.*
(16) а. *Свою жену может перехитрить только Джон;*
б. *Жену Джона может перехитрить только он сам.*
(17) *Гегель — самый строгий критик своих сочинений.*
(18) а. *Самый строгий критик своих сочинений — Гегель;*
б. *Самый строгий критик сочинений Гегеля — сам Гегель.*

Подробнее об этом см. в [19]. Ср. еще пример:

- (19) *И, что всего тошней, лишь я был мой читатель*
(= 'лишь я был читателем самого себя'; = 'лишь я был читателем Пушкина').

Нетривиальное влияние на смысл ВМ оказывает также частица *не*:

- (20) а. *Он теперь хозяин в своем доме;*
б. *В его доме не он теперь хозяин* (ср. **В своем доме не он теперь хозяин*).

б) В некоторых рефлексивных конструкциях, в частности, именной цепочке, противопоставление ВМ возвратного местоимения личному выражает, по-видимому, различие по определенности: ВМ предполагает известность свойства слушающему, а личное — нет, ср. *Фернандо с его ($\neq$ со своим) озорством влюбленного*.

В работе [20] утверждается, что в шведском языке противопоставление возвратное—личное местоимение способно передавать следующее различие: личное местоимение означает, что дескрипция принадлежит говорящему, а возвратное — что это общее мнение, передаваемое говорящим в «пересказывательном наклонении»:

- (21) *Jag mötte idag fröknarna Hansson med deras (≠ sina) odrägliga koketta mamma* 'Я сегодня встретил девиц Ханссон с их невыносимо кокетливой мамашей'.

В русском языке ВМ в именной цепочке неспособны передавать такие смысловые различия.

7) Употребление ВМ в составе субстантивно-адъективной цепочки существенно определяется семантикой «точки зрения»; ср.:

- (22) а. *Она обнаружила важное для себя обстоятельство;*
б. *Она не заметила важного для нее обстоятельства.*

Между (а) и (б) следующее смысловое различие: в (а) оценка обстоятельства как важного принадлежит денотату подлежащего (*она*), а в (б) — говорящему. Аналогично, в предложении (23) выбор *для себя* или *для него* зависит от того, кому принадлежит оценка задачи как трудной — денотату подлежащего или говорящему:

- (23) *Он всегда берется за трудные для себя (≠ для него) задачи;* ср. *за слишком трудные для него.*

Неслучайность такого противопоставления подкрепляется тем, что большинство прилагательных, допускающих вхождение в рефлексивную конструкцию этого типа, принадлежит к числу «субъективных», т. е. предполагающих субъект оценки в качестве важного компонента смысла. ВМ неуместно в примерах типа (24), где прилагательное объективно или же предполагает оценку наблюдателя, внешнего по отношению к описываемому состоянию, а также в примерах типа (25), где присутствует внешний наблюдатель или носитель точки зрения:

- (24) *Он третирует подчиненных ему людей; Он хорошо вписывается в быт современной ему эпохи; Искусство всех веков любило современный ему быт и костюм; Он выиграл партию нетипичным для него способом (ср. Он выиграл партию случайным для себя образом).*

- (25) *Я видел, как она пыталась поддержать этот важный для нее разговор; Ей нужно было бы поддержать этот важный для нее разговор.*

Показательно, что в субстантивно-адъективной цепочке широко употребляется *себя* и довольно редко *свой*. Причем дело не в том, что *свой* создает синтаксически громоздкую конструкцию, поскольку в определенном контексте *свой* допустимо:

- (26) а. *Он решил трудную для себя задачу;*
б. *Он решил трудную для своих коллег задачу;*
в. *Он решил трудную для своего возраста задачу.*

Видимо, (26б) недопустимо потому, что естественный фокус эмпатии — *он*, а естественный носитель точки зрения по поводу трудности задачи — *коллеги*, и это приводит к противоречию. В (27) носитель точки зрения — *журнал*, и противоречия не возникает:

- (27) *Журнал поместил интересную для своих читателей статью; Конторы могут оформить заказ на выгодных для своих клиентов условиях.*

Как показывают примеры (28), (29), при употреблении ВМ в субстантивно-адъективной цепочке, в отличие от всех других рефлексивных конструкций, субъект подчиняющего предиката не равноценен подлежащему; это связано с тем, что носителем точки зрения естественно быть именно подлежащему:

- (28) а. *Ребенок достиг неплохих для себя результатов;*
б. *Они помогли ребенку достичь неплохих для него результатов.*
(29) а. *Она не высказала этих трудных для себя слов;*
б. *Он не дал ей высказать этих трудных для нее слов.*

8) Личное местоимение и ВМ могут находиться в отношении свободного варьирования, не связанного со сколько-нибудь ощутимыми смысловыми различиями (т. е. могут быть контекстно-синонимичными). В частности, так, видимо, обстоит дело в контексте дальней сопредикатности:

- (30) *Она_i попросила его_j прочесть свои_i (= ee_i) стихи; Она_i заставила их_j отредактировать свою_i (= ee_i) статью.*

Если здесь есть различие между возвратным и личным местоимениями, то лишь стилистическое: ВМ в контексте дальней сопредикатности может звучать слегка архаично.

Рефлексивизация вообще становится менее обязательной по мере усложнения рефлексивной конструкции:

- (31) а. *Я уважаю свое (*мое) дворянство;*
б. *Я не могу не уважать своего (моего) дворянства.*
- (32) *Он был удивлен столь вялой реакцией на свое (его) сообщение; Великой максимой моей юности было:... не дать никого унижить в своем (моем) присутствии; Наши начальник не придает большого значения жалобам на самого себя (него самого).*

9) В некоторых контекстах *свой* ощущается как менее вежливое, чем личное местоимение:

- (33) *Мы обращаемся к нашим (≠ своим) читателям; Я хочу представить Вас моей (≠ своей) жене.*

Особенно очевидно различие по вежливости между возвратным и личным местоимением в контексте 2-го лица antecedента. Отсюда следует, что *Ваш* иногда возможно там, где *твой* сомнительно:

- (34) а. *Прошу Вас взвесить ваши слова;*
б. *Ты отвечаешь за свои (*твои) слова.*
- (35) а. *Вы доработали Вашу статью?*
б. *Ты исправил ошибки в своей (*твоей) статье?*
- (36) *Вы можете сказать это вашему слуге, а не мне (Гоголь);*
Доскажите нам Вашу историю.

Ср. примеры из писем А. П. Чехова:

- (37) *Ты обещал прислать свою фотографию, я жду, жду... (Немировичу-Данченко); А когда пришлете Вашу фотографию? (Книппер); Поклонитесь Николаю Николаевичу, о котором Вы говорите в своем письме (Книппер); Вы ничего не пишете о Вашем здоровье (Мизиновой).*

Возможно, коннотация меньшей вежливости развивается из потенциально присутствующего в значении слова *свой* оттенка постоянной принадлежности, т. е. собственности (см. § 1).

10) В каузативных контекстах возможно смысловое противопоставление, состоящее в том, входит ли принадлежность данного предмета субъекту в причину, в истоки того, что говорится о данном предмете:

(38) *Он абсолютно убежден в гениальности своих (≠ его) детей.*

Если сказать *своих*, то в смысл предложения, скорее всего, входит компонент 'убежден в гениальности таких-то существ по причине того, что они его дети'. В случае местоимения *его* этот компонент отсутствует, т. е. различие близко к различию атрибутивных и чисто референтных употреблений по Доннеллану [8].

Другой пример:

(39) *Ему нужно обосновать свою (≠ его) идею.*

У слова *свою* возникают смысловые связи со словом *нужно*: 'своя, поэтому нужно'; а сочетание *его идею* не порождает этого причинного компонента.

Рассмотрим пример, показывающий, что приведенное описание не исчерпывает всех семантических противопоставлений, связанных с русскими ВМ. Ср. две почти рядом стоящих фразы из книги М. Цветаевой «Мой Пушкин»: (а) *Только сейчас, проходя Пушкина моего младенчества, вижу, до чего Пушкин любил прием вопроса;* (б) *Историческому Пушкину своего младенчества я обязана незабвенными видениями.* В (б) *свой* можно, вообще говоря, заменить на *мой*; но почему в (а) может быть только *мой*, остается неясным.

§ 6. РОЛЬ ПОВЕРХНОСТНОЙ СТРУКТУРЫ

Как уже говорилось, среди употреблений ВМ имеются такие, которые нельзя считать результатом трансформации рефлексивизации, а также такие, которые не могут быть адекватно представлены с помощью какой бы то ни было трансформации; кроме того, между возвратными и личными местоимениями имеются смысловые различия, которые с трудом нашли бы себе место в трансформационном описании. Обратимся, однако, к тому классу употреб-

лений ВМ, которые можно считать причастными к трансформации рефлексивизации.

В трансформационной грамматике рефлексивизация описывается как трансформация, применяемая к глубинной структуре предложения (ср., например, [21]). Предполагается, что при этом достигается большая степень обобщения, поскольку разнообразие структур на глубинном уровне меньше, чем на поверхностном. Действительно, в некоторых случаях последующие трансформации, увеличивая разнообразие поверхностных структур, никак не влияют на содержащиеся в них ВМ. Так, можно считать, что в предложениях типа

- (1) *Он заставлял рабочих_i не щадить себя_i; Он попросил меня_i рассказать о себе_i;*
- (2) *Митинг был посвящен борьбе ирландцев_i за свои_i права*

вначале применяется рефлексивизация в глубинной структуре с субъектом — подлежащим, а затем этот субъект подвергается опущению или оформляется генитивом, что дает возможность исключить из перечня рефлексивных конструкций конструкцию с подразумеваемым субъектом инфинитива и с генитивным субъектом.

Имеются, однако, многочисленные аргументы против такого подхода к рефлексивизации. Эти аргументы можно разделить на три группы.

I. В большом классе предложений рефлексивизация не является трансформацией, применяемой к глубинной структуре: рефлексивизация становится применимой к данной структуре после того, как к ней применен ряд других трансформаций, быть может, факкультативных. (Иначе говоря, во многих предложениях реальная возможность употребления ВМ зависит от способа поверхностного выражения того или иного смысла, а не от смысла как такового. Однако как только мы отходим от собственно глубинной структуры, приходится — так или иначе — принимать во внимание различные поверхностные разновидности рефлексивных конструкций. А это значит, что желанная цель — унифицировать правило рефлексивизации — оказывается не достигнутой.

Зависимость рефлексивизации от предшествующих ей трансформаций обусловлена, прежде всего, следующим поверхностным

ограничением на употребление ВМ в русском языке: ВМ и его антецедент должны находиться в составе одного и того же простого предложения (это ограничение не носит универсального характера, ср. в лат. *Ubii magno opere orabant ut sibi auxilium ferret* = 'Убии очень просили (Цезаря), чтобы помог им', букв. «себе»). Поэтому может быть так, что два кореферентных термина не входят в рефлексивную конструкцию в глубинной структуре, поскольку принадлежат разным исходным предложениям, но позднее рефлексивная конструкция появляется — после применения к структуре тех или иных факультативных трансформаций, которые сводят два простых предложения в одно. В таких случаях рефлексивизация волей-неволей должна применяться не к глубинной структуре, а к структуре в каких-то отношениях поверхностной. Примерами трансформаций, вызывающих перенос рефлексивизации на поверхностный уровень, могут служить все виды сокращающих трансформаций (в примерах ниже (а) — предложение с ВМ, (б) — предложение, в котором данная трансформация не применена, и ВМ невозможно).

1. Сирконстанциализация (перевод придаточного предложения в обстоятельство):

- (3) а. *Он уехал сразу после своего выступления;*
 б. *Он уехал сразу после того, как он выступил*
 (ср. [22, с. 31]).

2. Подъем субъекта:

- (4) а. *Джон считает себя незаменимым работником;*
 б. *Джон считает, что он незаменимый работник.*

3. Оформление подчиненной предикации инфинитивом:

- (5) а. *Вронский не велел докладывать о себе;*
 б. *Вронский не велел, чтобы о нем докладывали.*

4. Адъективное сокращение:

- (6) а. *Подписчики журнала могут купить монографию на выгодных для себя условиях;* б. *Подписчики журнала могут купить монографию на условиях, которые для них выгодны.*

5. Введение притяжательного местоимения из глубинного предиката 'принадлежит':

- (7) а. *Джон разбил свою машину;*
 б. *Джон разбил принадлежащую ему машину.*

6. Введение предлога *С*, выражающего значение 'совместно':

(8) а. *Пришел Петя со своей женой;*

б. *Пришел Петя; совместно с ним была его жена.*

Поверхностные рефлексивные конструкции, отсутствующие в глубинных структурах, могут создаваться и другими, не только сокращающими, трансформациями — например, трансформацией пассива; так, во фразе (9а) ВМ употреблять нельзя, а во фразе (9б), более удаленной от глубинной структуры, — можно:

(9) а. *Его поддержали родители его (*своей) жены;*

б. *Он был поддержан родителями своей жены.*

II. Вторая группа аргументов в пользу поверхностного описания ВМ состоит в следующем. Если считать рефлексивизацию правилом, применяемым к глубинным структурам, то необходимо учитывать, что правильная рефлексивизованная структура может быть превращена в неправильную применением к ней некоторых трансформаций. Разумеется, можно добавить разного рода оговорки относительно неприменимости этих трансформаций в контексте рефлексивизованной структуры; однако эти оговорки иногда столь сложны, что сама идея трансформации оказывается доведенной до абсурда.

Приведем примеры трансформаций, неприменимых в контексте структуры с ВМ.

1. Трансформация пассива не может применяться без учета наличия в структуре ВМ, поскольку она невозможна при наличии *себя, свой* в составе прямого дополнения:

(10) а. *В этом году многие газеты празднуют свой юбилей;*

б. **В этом году свой юбилей празднуется многими газетами.*

Конечно, применение трансформации пассива к структурам с *себя* в роли прямого объекта можно предотвратить с помощью морфологического фильтра, каковым служит отсутствие у *себя* формы им. падежа. Очевидно, однако, что указание на неправильность предложения (10б) должно занимать в грамматике место в разделе «Возвратное местоимение», а не в разделе «Пассив».

2. Структура, которая содержит ВМ в составе субстантивно-адъективной цепочки, несет ограничения на применение всех трансформаций (а их очень много), затрагивающих подлежащее, ср. примеры (28), (29) из § 5.

3. Терм, содержащий в своем составе ВМ, не может подвергаться релятивизации; так, если из двух предложений (а) и (б) построить по обычным правилам релятивизации (в), то оно будет иметь не тот смысл, который ожидается, поскольку изменит свой антецедент:

- (11) а. *Билл_i любит рассказывать одну историю про своего_i деда;*
б. *Джон_i ненавидит эту историю;*
в. *Джон_i ненавидит историю про своего_i деда, которую Билл любит рассказывать*.*

При описании рефлексивизации на поверхностном уровне невозможность понимания *свой* в (в) как кореферентного с *Билл* вытекает из общего запрета на пересечение границ предложения. А при глубинной рефлексивизации требуется специальная оговорка к трансформации релятивизации.

4. Наличие в структуре слова *свой* накладывает нетривиальное ограничение на трансформацию введения отпредикатного имени деятеля. Рассмотрим фразу

- (12) *Нет пророка в своем отечестве.*

Ее клишированность несколько сглаживает ее неправильность, которая, однако, видна при ближайшем рассмотрении; ср. невозможность построить другие фразы по той же модели. Источник неправильности следующий.

Фраза (12) — результат сокращения фразы (12') *Нет человека, который_i был бы пророком в своем_i отечестве*, где *в своем отечестве* — обстоятельство, подчиненное сказуемому *был бы пророком*, и ВМ естественно входит в рефлексивную конструкцию с подлежащим *который*. Однако после введения (12') отпредикатного имени деятеля происходит синтаксическое переразложение: обстоятельство не может подчиняться существительному *пророком* при наличии в предложении сказуемого *нет*, поэтому она начинает осмысляться как подчиненное этому сказуемому; но в таком случае *свой* оказывается в синтаксической позиции, где у него нет антецедента. Трудно даже себе представить, какие ограничения

*В английском языке, согласно [4], фразы типа (в) допускают понимание ВМ в главном предложении как имеющего антецедент в придаточном, но в русском такое понимание невозможно.

должны быть наложены на трансформацию введения имени деятеля, чтобы исключить возможность синтаксических переразложений, влияющих на интерпретацию ВМ.

Очевидно, идея глубинной рефлексивизации предполагает, в частности, что рефлексивизация должна производиться на той стадии, когда у глубинного прообраза отпредикатного имени деятеля еще есть реальный субъект. Однако попытка воплощения этой идеи в виде реальной системы трансформаций приводит к непомерным сложностям.

5. Аналогичная ситуация для ВМ с косвенным antecedентом. Как уже говорилось, большинство глаголов, при которых возможно ВМ с antecedентом-дополнением (*поднимать, унижать, возвышать, переводить, посылать*), см. пример (8) из § 2, имеет каузативное значение. Допустимость antecedента—дополнения при этих глаголах можно поэтому объяснить тем, что их поверхностное дополнение является — на глубинном, а именно, на долексемном, уровне — субъектом. Однако если действительно попытаться описывать структуры типа (8) из § 2 как полученные с помощью рефлексивизации, осуществленной до трансформации введения каузативных глаголов, то окажется, что многие отчетливо каузативные глаголы не допускают таких употреблений ВМ; так, в (13) *о своих* = 'о моих', а не 'о его':

- (13) *Я_i напомнил ему_j о своих_i обязательствах* ≠ 'Я сделал так, что он вспомнил о своих обязательствах'.

Таким образом, если производить рефлексивизацию на глубинном уровне, надо задать весьма длинный список структур, не допускающих трансформации введения каузативных глаголов, при наличии в подчиненной предикации возвратного местоимения.

Обращение к «каузативному анализу» как к объяснительному приему содержит в себе много привлекательного. Почему, например, допустимо *себя* в (14) и недопустимо *свой*, с тем же глаголом *возвращать*, в (15):

- (14) *И есть еще иное тяготение, оно возвращает меня к самому себе* (пример приводится в [23] с другой трактовкой).
(15) *Он возвращает мне мою жизнь* ≤ 'Он делает так, что моя жизнь возвращается ко мне'.

Каузативный анализ показывает, что в предикации, подчиненной глаголу *возвращает* в (14), есть рефлексивная конструкция: (14) = 'оно делает так, что я возвращаюсь к самому себе'; а в (15) — нет рефлексивной конструкции, что и обуславливает различное поведение местоимения.

З а м е ч а н и е . К поиску глубинных субъектов был в большой степени склонен А. М. Пешковский, который писал по поводу фраз типа *Я застал его у себя в комнате*, что они имеют два смысла, потому что *его* «может восприниматься как субъект того состояния, которое извлекается здесь из значения слова *застал*» [11, с. 171], т. е. видимо, состояния 'нахождения в': 'он находился в своей комнате'. Однако подобное объяснение одной фразы оставляет непонятным, почему какая-то другая, например, *Иван показал Петру свою комнату* не допускает понимания *свою комнату* как комнату Петра, хотя в этой фразе Петр тоже является субъектом состояния, извлекаемого из значения слова *показал* — состояния 'видение'.

III. Третье соображение, разрушающее надежды на глубинную рефлексивизацию как способ упрощения описания ВМ, состоит в том, что последующие трансформации могут изменить степень обязательности рефлексивизации, а именно, из обязательной сделать ее факультативной. Какой же статус приписать тогда рефлексивизации? Если признать рефлексивизацию необязательной, то мы рискуем получить неправильную структуру (если факультативная трансформация, снимающая обязательность рефлексивизации, оказалась не примененной); а если считать рефлексивизацию обязательной, мы никогда не получим некоторых правильных структур [24].

Так, *свой* в рефлексивной конструкции с инфинитивом в примере (16) не обязательно, тогда как при том же предикате в личной форме невозвратное притяжательное местоимение абсолютно исключено [23].

- (16) а. *Он помогал Андре Мальро создавать его интернациональную эскадрилью;*
б. *Андре Мальро собирал свою (*его) интернациональную эскадрилью.*

То же самое в рефлексивной конструкции с агентивным дополнением:

- (17) а. *Борьба ирландцев за их права;*
б. *Ирландцы борются за свои (*их) права.*

С другой стороны, последующие трансформации могут сделать необязательное ВМ обязательным. Так, дальняя рефлексивизация

— это необязательная трансформация; но если субъект подчиненной предикации в поверхностной структуре вообще не фигурирует, то она становится практически обязательной (ср. *Он заставил окружающих его уважать* и *Он заставил себя уважать*). Разумеется, сказанное не означает, что нельзя построить такую систему трансформаций, которая давала бы только правильное ВМ. Суть в том, что эта система должна принимать во внимание поверхностные структуры не меньше, чем глубинные. Едва ли в таком случае можно рассчитывать на глубинную рефлексивизацию как на заведомую альтернативу к анализу, ориентированному сразу на поверхностную структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Timberlake A. Oblique control of Russian reflexivisation. — In: Morphosyntax in Slavic/Eds. Chvany C., Brecht R. Columbus, OH: Slavica, 1980. p. 235-259.
2. Wierzbicka A. Deskrypcje czy cytaty? — In: Dociekania semantyczne, Wrocław. 1969.
3. Болла К., Папп Ф., Палл Э. Курс современного русского языка. — Будапешт, 1968.
4. Jackendoff R. Semantic interpretation in generative grammar. — Cambridge, Mass., 1972.
5. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М.: Наука,
6. Babby L. H. Existential sentences and negation in Russian. — Karoma Publishers, Ann Arbor, 1980.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. — Петербург: Академия, 1903.
8. Donnellan K. Reference and definite descriptions. — Philosophical review, 1966, 75, p. 281-304.
9. Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. — В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. М.: Наука, 1977.
10. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. —
11. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. — М.: Учпедгиз, 1938.
12. Veyrenc J. Conference, emphase et reflexivite. — In: SLAVICA, Lisse, The Peter de Ridder Press, 1978.
13. Issatschenko. Die russische Sprache der Gegenwart. B. I, Formenlehre. - Halle, 1962.
14. Падучева Е. В. Наименование объектов — проблема семантики и стилистики. — В кн.: Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1973,
15. Kuno S. Three perspectives in the functional approach to syntax. — In: Sound, sign and meaning/Ed. Matejka. Univ. of Michigan, 1976

16. Yokoyama O. T., Klenin E. The semantics of 'optional' rules: Russian personal and reflexive Possessives. — In: Sound, sign and meaning. Ed. Matejka, Univ. of Michigan, Ann Arbor,
17. Падучева Е. В. Обнаружение сферы действия кванторов в предложениях математического текста. — В кн.: Синтаксический и семантический компонент лингвистического обеспечения. Новосибирск: ВЦ СОАН, 1979.
18. Падучева Е. В., Успенский В. А. Подлежащее или сказуемое? (семантический критерий различения подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях). — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, № 4.
19. Падучева Е. В. Об именных группах со двоянной денотативной характеристикой — Семиотика и информатика, 1978, вып. 11.
20. Reflexives and the subjective («emphatic») side of FSP.— In: Papers from the 4th Scandinavian Conference of linguistics. Odense: Odense University press, 1978, p. 227—233.
21. Postal P. On raising. — Cambridge, Mass., 1974.
22. Ревзин И. И. О месте правил прономинализации в модели порождения для русского языка. — НТИ, сер. 2, 1973, № 11,
23. Timberlake A. Feflexivisation and the cycle in Russian. — Linguistic inquiry, v. 10, № 1, 1979. p. 109—141.
24. Perelmutter D. M., Scott S. Syntactic argumentation and the structure of English. — Univ. of Calif, press, Berkeley. 1979.

Статья поступила в редакцию 26 апреля 1982 г.